

12+

ОНИ МОГУТ ВАС УСЛЫШАТЬ

НИКОЛАЙ СЕДОЙ



Николай Седой

Они могут вас услышать

<https://litres.ru/74155913>

ISBN 9785007026741

Аннотация

На антарктической станции «Последний Меридиан» двое ученых ведут наблюдения за небом и принимают сигналы из космоса. Их замкнутый мир держится на работе, ритуалах и редких разговорах с Землей. Все меняется, когда станция получает сообщение: «Перестаньте слать сигналы. Они могут вас услышать». С этого момента страх приходит не извне, а через сам канал связи.

Содержание

3 июня	8
Температура —46. Ветер 14 м/с. Видимость нормальная. Связь стабильная	8
4 июня	10
Температура —49. Ветер до 19 м/с. Небо чистое. Связь стабильная	10
6 июня	12
Температура —51. Ветер до 22 м/с. Внешний обход ограничен. Связь в норме, на приеме мелкие помехи	12
8 июня	14
Температура —48. Ветер 16 м/с. Видимость средняя. Связь стабильная	14
9 июня	16
Температура —50. Ветер 18 м/с. Связь стабильная. На приеме краткие шумовые всплески в одном окне	16
10 июня	18
Температура —52. Ветер до 21 м/с. Внешний обход короткий. Связь в норме	18
11 июня	20
Температура —49. Ветер 15 м/с. Видимость лучше обычного. Связь стабильная. Повтор	20

	короткого шумового паттерна	
12 июня	Температура —53. Ветер 24 м/с. Выходы наружу только по необходимости. Связь в норме, на приеме повтор помехи	22 22
13 июня	Температура —54. Ветер 20 м/с. Видимость плохая. Связь стабильная. На приеме повтор короткого шумового паттерна	24 24
14 июня	Температура —50. Ветер 17 м/с. Видимость средняя. Связь стабильная. Ночью зафиксирован еще один фрагмент	26 26
15 июня	Температура —52. Ветер 23 м/с. Выходы наружу ограничены. Связь в норме. На приеме несколько кратких аномалий	28 28
16 июня	Температура —55. Ветер 26 м/с. Видимость плохая. Связь стабильная, прием с повтором аномального паттерна	30 30
17 июня	Температура —53. Ветер 18 м/с. Видимость средняя. Связь стабильная. На приеме за ночь три повторяющихся фрагмента	32 32
18 июня		34

Температура —56. Ветер 27 м/с. Выходы наружу только по необходимости. Связь в норме. На приеме повтор паттерна, один фрагмент длиннее обычного	34
19 июня	36
Температура —54. Ветер 19 м/с. Видимость плохая. Связь стабильная. На приеме два длинных фрагмента, один с заметной внутренней структурой	36
20 июня	38
Температура —57. Ветер 29 м/с. Внешний обход отменен. Связь в норме. На приеме серия фрагментов, автоматическая система выделила один как потенциально связный	38
21 июня	40
Температура —55. Ветер 22 м/с. Видимость слабая. Связь стабильная. На приеме длинный фрагмент, автоматическая дешифровка дала предварительный результат	40
22 июня	42
Температура —58. Ветер 31 м/с. Выходы наружу отменены. Связь в норме. На приеме длинный фрагмент, автоматическая дешифровка дала связный результат	42
23 июня	45
Температура —56. Ветер 24 м/с. Видимость	45

слабая. Связь стабильная. Повтор длинного фрагмента, текст близок ко вчерашнему	
24 июня	47
Температура —57. Ветер 28 м/с. Выходы наружу ограничены. Связь стабильная. На приеме серия фрагментов, один дал почти чистую сборку	47
25 июня	49
Температура —55. Ветер 20 м/с. Видимость средняя. Связь стабильная. На приеме длинные фрагменты, автоматическая сборка устойчивая	49
26 июня	51
Температура —59. Ветер 33 м/с. Выходы наружу отменены. Связь в норме. На приеме фраза повторилась, дополнительно выделен короткий нерасшифрованный хвост	51
27 июня	53
Температура —56. Ветер 21 м/с. Видимость слабая. Связь стабильная. На приеме повтор основной фразы, хвост снова не собран	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Они могут вас услышать

Николай Седой

© Николай Седой, 2026

ISBN 978-5-0070-2674-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

3 июня

Температура —46. Ветер 14 м/с. Видимость нормальная. Связь стабильная

Решил все-таки попробовать вести записи. Перед зимовкой психолог советовал фиксировать дни, состояние, мысли, чтобы не терялось ощущение времени. Тогда это показалось лишним. Сейчас, похоже, не совсем лишнее.

Не уверен, что меня хватит надолго. Скорее всего, брошу. Но здесь дни и правда быстро слипаются. Наверное, смысл в этом и есть — хотя бы иногда оставлять отметки.

День был обычный. Ночью работал с телескопом, днем разбирал часть данных. По наблюдениям ничего особенного.

Илья с утра снова занимался чем-то у себя в радиомодуле. У него почти всегда либо проверка, либо профилактика, либо «заодно посмотреть одну вещь», которая потом растягивается на полдня. По виду был в хорошем настроении. За ужином опять спорили о том, стоит ли вообще человечеству пытаться о себе заявлять куда-то дальше собственной планеты. Он по-прежнему считает, что нет. Слишком легко, по его мнению, спутать отсутствие ответа с безопасностью.

Вечером была связь с материком. Анна передала сводку, подтвердила прием данных, спросила про погоду и про кофемашину. Илья, как обычно, шутил. Она тоже. На таких коротких сеансах особенно хорошо видно, насколько быстро к человеку привыкаешь, даже если знаешь его только по голосу.

Нормальный день. Посмотрим, хватит ли меня на неделю таких записей.

4 июня

**Температура —49. Ветер до 19 м/
с. Небо чистое. Связь стабильная**

Ночью проснулся из-за ветра. Когда он идет под другим углом, станция звучит иначе. Здесь вообще быстро начинаешь различать вещи, на которые на материке не обратил бы внимания.

Утро прошло спокойно. Илья уже не спал, когда я вышел. Варил кофе и был настроен, судя по всему, разговаривать. С утра у него это бывает редко, так что день, видимо, обещал быть не худшим.

Ночные наблюдения прошли нормально. Ничего неожиданного. Днем ловил себя на том, что начинаю замечать совсем мелкие вещи: кто как ставит кружку, кто как закрывает дверь, сколько времени проходит до ответа на простой вопрос. Похоже, когда вокруг мало людей и мало событий, внимание само цепляется за повторяемость.

Вечером снова была Анна. Связь была чуть грязнее обычного, с небольшими шумами, но ничего особенного. Разговор короткий, в основном по делу. Илья опять шутил больше меня. Так у нас обычно и бывает: он держит разговор, я

скорее слушаю.

Пока весь смысл этого дневника для меня сводится к тому, чтобы различать дни. Наверное, уже не так мало.

6 июня

**Температура —51. Ветер до 22 м/
с. Внешний обход ограничен. Связь
в норме, на приеме мелкие помехи**

Вчера не писал. Ничего не потерял.

Сегодня почти весь день сидели внутри. Погода не располагала лишний раз выходить наружу. Я работал с материалами наблюдений. Илья дважды проверял приемный тракт. Сказал, что по фону опять была какая-то грязь. Формулировка у него обычная, но по тону было понятно, что это его раздражает сильнее, чем он хочет показать.

После обеда снова говорили о сигналах и о том, стоит ли вообще ждать ответа, если когда-нибудь его кто-то отправит. Илья высказал мысль, которую я решил записать: молчание Вселенной, возможно, не загадка, а дисциплина. Звучит мрачно, но в его духе.

Вечером была Анна. На материке у них, как я понял, обычная бюрократическая суета, из-за которой могут повторно запрашивать часть данных. Илья тут же перевел разговор в шутку, попросив вместо этого прислать нормальный хлеб и табак. Это его обычный способ не делать из мелочей

важное.

После сеанса он еще долго сидел у аппаратуры. Сказал, что просто слушает эфир. Пока это прозвучало нормально, без лишнего. Но сам факт я все-таки записываю.

Возможно, психолог был прав: смысл таких записей не в откровенности, а в том, чтобы потом можно было посмотреть назад и понять, когда именно что-то изменилось. Или убедиться, что ничего не менялось вообще.

8 июня

**Температура —48.
Ветер 16 м/с. Видимость
средняя. Связь стабильная**

Писать каждый день все-таки не выходит. Наверное, это и не нужно. Главное, чтобы оставались метки, иначе здесь неделя проходит как один длинный день.

Сегодня все было обычно. Ночью работал с телескопом. Один участок данных пришлось прогнать повторно, но ничего важного там не оказалось. Просто моя ошибка.

Илья почти весь день провел в радиомодуле. Продолжает возиться с фоном на приеме. Говорит, что, возможно, это мелочь, но пока не может понять, откуда она берется. У него там, как всегда, рабочий беспорядок, в котором он сам прекрасно ориентируется.

За ужином снова вернулись к его любимой теме — надо ли вообще человечеству напоминать о себе космосу. Он по-прежнему уверен, что нет. Считает, что молчание само по себе может быть признаком разума, а не его отсутствия. Я, как обычно, пытался возражать, но спор вышел вялый.

Вечером была Анна. Связь нормальная. Передала сводку,

приняла пакеты. Илья шутил насчет того, что если на материке научатся передавать по радио апельсины, то это будет единственное открытие, которое его действительно впечатлит. Анна поддержала шутку. В такие моменты хорошо чувствуется, что связь с материком — это не только протокол, но и просто человеческий голос.

Пока все спокойно. Наверное, поэтому и трудно писать. Когда день ничем не выделяется, кажется, что и записывать нечего. Но потом именно такие дни забываются первыми.

9 июня

Температура —50. Ветер 18 м/с. Связь стабильная. На приеме краткие шумовые всплески в одном окне

Сегодня Илья впервые показал мне то, что его цепляет уже несколько дней.

Если бы он сам на это не указал, я бы, скорее всего, не заметил. На вид обычный короткий мусорный всплеск. Но он поднял архив и показал, что похожие фрагменты уже были несколько раз, примерно в одном диапазоне. Не в одно и то же время и без точного совпадения, но сходство есть.

Пока договорились считать рабочими три версии: помеха в тракте, проблема с железом или внешняя случайная наводка. Сам Илья ни на одной не настаивает. По нему видно, что ему не нравится сама повторяемость.

После обеда он еще раз проверял железо. Ничего явного не нашел. К вечеру я уже почти перестал об этом думать, а он — нет.

Во время вечерней связи с материком он держался как обычно, но пару раз сказал вещи с какой-то лишней настороженностью. Не грубо, просто чуть не в том тоне, к которо-

му я привык. Возможно, это из-за усталости. Или я уже сам начинаю прислушиваться к мелочам.

Пока не хочу делать из этого ничего особенного. Просто фиксирую.

10 июня

Температура —52. Ветер до 21 м/с. Внешний обход короткий. Связь в норме

Ночью Илья поднял меня, когда у него уже было несколько новых фрагментов. Видимо, сначала смотрел сам и не хотел будить без причины.

Сидели с ним в общем кабинете в третьем часу ночи. Он показал, что его раздражает не сам всплеск, а то, как он заканчивается. По его мнению, обрыв слишком аккуратный. Я этого не услышал. Или не умею пока это различать. Может быть, он прав, а может быть, уже слишком долго в это всматривается.

Лег спать он только под утро. Днем был заметно тише обычного. Не нервный, не мрачный, просто молчаливее.

Вечером снова смотрели архив. Я уже сам начал видеть, что некоторые фрагменты и правда слишком похожи друг на друга. Но все еще не понимаю, достаточно ли этого, чтобы говорить о чем-то, кроме обычной технической аномалии.

На связи с материком все было спокойно. Анна передала очередной запрос на повтор части данных. Илья говорил ма-

ло. После сеанса снова остался у аппаратуры.

Пока убеждаю себя, что через пару дней всему найдется простое объяснение. Лучше бы так и было.

11 июня

**Температура —49. Ветер 15 м/
с. Видимость лучше обычного.
Связь стабильная. Повтор
короткого шумового паттерна**

Сегодня уже я сам попросил Илью показать мне все подряд с начала.

Если смотреть архив не кусками, а сплошной серией, повторяемость действительно чувствуется. Не буквальная, но неприятная. Будто один и тот же кусок проходит через разный шум. Формулировка плохая, но точнее пока не получается.

Я снова сказал, что это вполне может быть наша внутренняя проблема. Илья ответил, что очень на это рассчитывает. Именно так и сказал — рассчитывает. Это, наверное, первый момент за последние дни, который мне по-настоящему не понравился. Не из-за смысла, а из-за того, как это прозвучало.

Днем выходили проверять внешний узел. Погода была терпимая, но холод все равно пробирает быстро. Антенна

издали почти сливается с темнотой, только иней по краям и черный контур. Снаружи станция кажется совсем маленькой и какой-то временной.

После обхода Илья сказал, что вечером еще раз проверит чистое окно приема. Когда я заметил, что он уделяет этому слишком много внимания, он ответил спокойно, но с каким-то упрямством, что пока может себе это позволить. Похоже, он уже зацепился всерьез.

Связь с материком была нормальная. Анна спросила про настроение. Ответили в шутовском тоне, но уже после сеанса я понял, что Илья все время держится чуть жестче обычного. Пока это можно списать на усталость.

Не хочу пока писать, что это тревожный знак. Но и не отметить не могу.

12 июня

Температура —53. Ветер 24 м/с. Выходы наружу только по необходимости. Связь в норме, на приеме повтор помехи

Сегодня впервые сам проснулся с мыслью, что надо посмотреть, было ли ночью что-то на приеме.

Это, пожалуй, нехорошо. Не потому, что есть повод для тревоги, а потому, что начинаешь ждать.

Илья уже сидел у аппаратуры. По виду спал мало. За ночь был еще один фрагмент. На этот раз, как мне показалось, короче прежних, но чище. Это его слово, но здесь оно подходит.

Обсудили, стоит ли уже сообщать наверх о возможной аномалии. Решили, что рано. Пока слишком мало материала и слишком легко сделать из него ложный вывод.

Днем ели почти молча. Илья выглядел уставшим, но не так, чтобы его можно было просто отправить отсыпаться и закрыть тему. У него скорее появился этот особый рабочий упор, который я у него уже видел раньше на других задачах.

Разница только в том, что сейчас предмет усилий мне самому пока не нравится.

Под вечер он снова вернулся к мысли, что предупреждение, если оно когда-нибудь приходит, должно выглядеть не как ответ, а как попытка остановить саму привычку кричать в темноту. Формально это был все тот же старый разговор о сигналах в космос, но в этот раз он звучал уже не как философия за ужином.

Во время связи с Анной поймал себя на том, что слушаю не только ее слова, но и паузы, фон, хвосты линии. Похоже, это действительно передается от человека к человеку.

По-прежнему думаю, что всему найдется нормальное объяснение. Но впервые за все время мне не нравится сам процесс ожидания этого объяснения.

13 июня

**Температура —54. Ветер 20 м/
с. Видимость плохая. Связь
стабильная. На приеме повтор
короткого шумового паттерна**

Сегодня почти весь день возвращались к этим фрагментам. У Ильи уже собралась небольшая папка с кусками записи за последние дни. Если смотреть по одному, все еще можно списать на мусор. Если подряд — уже труднее.

Самое неприятное в этом даже не сходство, а то, что теперь и я его вижу. Не во всех фрагментах, но в части — да. Появляется ощущение, что система ловит не просто случайную грязь, а что-то, что приходит схожим образом и так же схожим образом обрывается.

Пока по-прежнему считаю, что причина, скорее всего, внутренняя. Но сегодня впервые поймал себя на том, что употребляю «скорее всего» слишком часто.

Илья выглядит уставшим. Не развалившимся, а именно уставшим. Глаза красные, говорит меньше обычного, ест без аппетита. При этом собран. Даже слишком. Есть у него та-

кое состояние, когда он будто экономит слова, чтобы не расплескать внимание.

Вечером на связи с материком все было обычно. Анна передала очередные рабочие вещи. Я почти не вслушивался в содержание, больше следил за тем, как ведет себя Илья. Он слушал очень внимательно, но ничего особенного не сказал ни до, ни после.

Пока держимся в нормальной рабочей логике: собрать больше материала, перепроверить, не дергаться. Это правильно. Но мне уже не нравится, что я написал «держимся», как будто нас что-то пытается из этой логики вытолкнуть.

14 июня

**Температура —50. Ветер
17 м/с. Видимость средняя.
Связь стабильная. Ночью
зафиксирован еще один фрагмент**

Ночью Илья меня не будил. Утром сказал, что был еще один короткий кусок и что он не видел смысла поднимать меня ради двух секунд сомнительного счастья. Посмотрели запись после завтрака.

Похож. Опять похож. Уже не хочется писать это слово, но другого пока нет.

Попробовали пройтись по всей цепочке возможных причин еще раз, уже более методично. Железо, внутренние наводки, ошибка в обработке, внешний источник помехи. Формально ничего не исключено. Фактически все висит в одном и том же состоянии: объяснение должно быть, но его пока нет.

Из-за этого появляется очень неприятный промежуточный режим, когда вещь уже перестала быть совсем ерундой, но еще не стала событием. Наверное, он хуже всего.

Днем Илья несколько раз возвращался к архиву без особой необходимости. Я уже начал думать, что он просто перегревает сам себя этой темой. С другой стороны, сам я тоже несколько раз ловил себя на том, что думаю о приеме вместо работы с данными телескопа. Так что, возможно, дело не только в нем.

За ужином почти не разговаривали. Не из-за конфликта, просто оба устали. На станции тишина иногда бывает вполне дружелюбной, но сегодня была не такая.

Анна вечером спросила, все ли у нас нормально. Ответили, что да. Формально это правда.

15 июня

**Температура —52. Ветер 23 м/
с. Выходы наружу ограничены.
Связь в норме. На приеме
несколько кратких аномалий**

Сегодня впервые возникло ощущение, что Илья уже не просто наблюдает, а начинает ждать. Это заметно по тому, как он сидит у аппаратуры. Не напряженно, а как человек, который внутренне не отпускает тему ни на минуту.

Я сказал ему, что если мы будем слишком долго смотреть в шум, то в какой-то момент сами начнем в нем что-нибудь складывать. Он согласился, но без обычной легкости. По его виду было понятно, что для него это уже не шутка и не абстрактный риск, а вполне реальная опасность.

Ближе к обеду он сказал, что его больше всего беспокоит не сходство фрагментов, а то, что у них слишком «человеческий» ритм. Плохое слово, но я понял, что он имеет в виду: нечто слишком собранное для обычной случайности. Я пока с этим не согласен. По крайней мере, не хочу соглашаться раньше времени.

Сам работал сегодня хуже обычного. Постоянно отвлекался. Дважды пересчитывал одну и ту же вещь. Раздражает уже сам факт того, что какая-то мелкая неясность начинает отъедать внимание сильнее реальной работы.

Вечером, уже после связи с материком, Илья остался в радиомодуле и сказал, что хочет послушать чистое окно подольше. Я ничего не ответил. Начинаю понимать, что простое «отдохни» тут не поможет. Он не в том состоянии, когда человек устал и сам это видит. Он уверен, что должен досмотреть.

Пока не считаю это чем-то опасным. Но уже считаю это нездоровым.

16 июня

**Температура —55. Ветер
26 м/с. Видимость плохая.
Связь стабильная, прием с
повтором аномального паттерна**

Сегодня был самый неприятный день из всех с начала этой истории.

Ночью прошло сразу два фрагмента с небольшим интервалом. Илья показал мне их утром. Впервые сходство выглядело так, что даже мне стало трудно защищать версию полной случайности. Не потому, что там появилось что-то новое, а потому, что повтор стал слишком явным.

Решили снять часть сырого потока и прогнать через другую обработку, чтобы исключить программную грязь. На это ушло много времени, и в итоге ничего полезного не дало. Если проблема в софте, значит, она спрятана глубже, чем нам сейчас кажется. Если не в софте — лучше бы это все-таки был софт.

Илья сегодня почти не отходил от приемной части. Ел мало. Кофе пил слишком много. Разговоры сводил к миниму-

му. Когда говорил, становилось ясно, что он уже мысленно перешел от вопроса «что это?» к вопросу «что с этим делать?». Мне такой переход не нравится. Он преждевременный.

После обеда он сказал, что если это повторится еще несколько раз, нужно будет думать не только о происхождении сигнала, но и о том, почему он вообще ложится на наш прием так, будто для этого и предназначен. Формулировка мне не понравилась, но записываю ее, потому что именно с таких формулировок обычно и начинаются вещи, которые потом кажутся важными задним числом.

На связи с материком все прошло штатно. Я собирался упомянуть о странностях как о возможной технической аномалии, но в последний момент не стал. Илья тоже промолчал. Похоже, мы оба пока не готовы произносить это вслух вне станции.

Сейчас уже поздно. Илья все еще у себя. Свет под дверью горит. У меня впервые появилось отчетливое чувство, что это уже не совсем обычная рабочая история. Не катастрофа, не событие, но и не тот уровень мелкой дряни, который отваливается сам собой через день-два.

Пока все еще надеюсь на простое объяснение. Но надежда стала звучать хуже, чем несколько дней назад.

17 июня

**Температура —53. Ветер 18 м/
с. Видимость средняя. Связь
стабильная. На приеме за ночь
три повторяющихся фрагмента**

Сегодня утром впервые почувствовал не интерес, а раздражение. Похоже, это следующая стадия любой затянувшейся непонятности. Пока думаешь, что сейчас разберешься, сохраняется азарт. Когда не разбираешься несколько дней подряд, остается только раздражение.

За ночь было три фрагмента. Илья уже не делает вид, что это может быть пустяком. Я тоже. Разница только в том, что я по-прежнему пытаюсь держать это в рамках технической проблемы, а он, кажется, внутренне уже нет.

Почти весь день провели за архивом и проверками. Перекинули часть задач, чтобы освободить ему время на прием, а себе — на повторную сверку обработки. Если смотреть на вещи честно, полезного результата пока ноль. Мы просто все лучше знаем форму этой странности.

Илья сегодня несколько раз возвращался к одной и той

же мысли: его беспокоит, что фрагменты ведут себя не как мусор, а как что-то, что не хочет быть длиннее. Очень корявая формулировка, но другой у нас пока нет. Он считает, что именно обрыв в конце самый плохой признак. Я пока не понимаю, можно ли вообще на таком уровне что-то считать признаком.

Днем ели наспех. Разговора почти не было. Это уже становится заметно. Обычно даже в плохой день у нас находится о чем поспорить. Сегодня — нет.

На связи с материком все прошло ровно. Анна говорила как обычно. Я поймал себя на том, что слежу уже не только за содержанием, но и за линией, как раньше Илья. Это начинает надоедать. Не хочу перенимать его привычку вслушиваться в каждый хвост и паузу.

После связи он опять остался у аппаратуры. Похоже, слушает уже не потому, что нужно, а потому, что не может не слушать.

18 июня

Температура —56. Ветер 27 м/с. Выходы наружу только по необходимости. Связь в норме. На приеме повтор паттерна, один фрагмент длиннее обычного

Сегодня впервые был кусок длиннее прежних. Ненамного, но заметно. Если раньше все обрывалось слишком быстро, то этот фрагмент тянулся дольше. Именно поэтому день и вышел тяжелее.

Утром Илья показал запись сразу, без своих обычных вступлений. По нему было видно, что он ждал не моего мнения, а подтверждения собственному ощущению. Подтверждение, к сожалению, дать было легко: да, этот фрагмент длиннее.

Попробовали разобрать его подробнее. Сырые данные, повторная прогонка, фильтрация, сравнение с прошлыми кусками. Пока ничего, кроме ощущения, что мы стоим в метре от объяснения и никак не можем его дотронуться. Хуже всего именно это.

Днем Илья почти не ел. На замечание отмахнулся. Спать он тоже, судя по виду, почти не спал. Пока он еще держится собранно, но уже слишком собранно. Это не нормальная рабочая концентрация, а что-то ближе к заикленности.

Сегодня он впервые прямо сказал, что если это не внутренняя проблема станции, то ему не нравится сам факт такой избирательности. Слово «избирательность» я запомнил. До этого мы говорили о сходстве, ритме, повторяемости. Сегодня он уже сказал именно так.

Я предложил все-таки подготовить краткую техзаписку наверх: без выводов, просто как перечень аномалий на приеме. Илья неожиданно отреагировал резко. Не спорил долго, но было видно, что идея ему не нравится. Сказал, что сначала хочет собрать еще материал. Формально я и сам с этим согласен. По тону — нет.

Связь с материком прошла спокойно. Анна, как мне показалось, уловила, что мы оба говорим суше обычного. Ничего не спросила прямо, но это чувствовалось.

Вечером впервые подумал, что дневник уже начинает работать не так, как задумывалось. Сначала это была просто отметка дней. Теперь уже хочется фиксировать мелочи именно потому, что боюсь потом перепутать последовательность.

19 июня

Температура —54. Ветер 19 м/с. Видимость плохая. Связь стабильная. На приеме два длинных фрагмента, один с заметной внутренней структурой

Пожалуй, первый день, когда мне самому стало по-настоящему не по себе.

За ночь прошло два более длинных фрагмента. Во втором было что-то, что Илья сразу назвал внутренней структурой. Я бы так уверенно не сказал, но что-то в нем действительно отличалось. Не просто всплеск и обрыв, а как будто внутри есть деление. Пока не на смысл, конечно, просто на части.

Мы слушали это несколько раз. Потом только смотрели. Потом снова слушали. Плохой знак уже сам по себе — переход от анализа к переслушиванию. Когда начинаешь слушать шум как речь, даже если сам себе это запрещаешь, значит, тема уже зашла слишком далеко.

Илья сегодня был почти без обычной иронии. Это для меня важнее любых его слов. Он может спорить, злиться, упи-

раться, но пока шутит — все не так плохо. Сегодня не шутил почти совсем.

После обеда сказал, что если такие куски будут удлиняться дальше, автоматическая дешифровка рано или поздно попробует их собрать. Я не сразу понял, что именно меня в этой мысли раздражает. Потом понял: он говорил об этом так, будто не просто допускает, а уже ждет.

Я сказал, что торопиться с дешифровкой не надо. Он ответил спокойно, что это будет зависеть не от желания, а от длины и качества потока. Формально верно.

На связь с материком вышли в обычное время. Все прошло штатно. Я чуть было не сказал Анне, что у нас на приеме странности, но снова не стал. Причина та же: пока нет ничего, кроме неясного паттерна, а произнести это вслух — значит уже придать вес.

После сеанса Илья еще долго сидел молча. Потом сказал, что ему не нравится, что это началось именно сейчас, когда у нас обычный рабочий режим, без крупных передач и без чего-то, что могло бы само по себе спровоцировать ответ. Слово «ответ» он употребил впервые. Я это отметил, хотя сразу сделал вид, что не придавал значения.

Похоже, началось смещение. Пока в нем, не во мне.

20 июня

**Температура —57. Ветер 29 м/с.
Внешний обход отменен. Связь в
норме. На приеме серия фрагментов,
автоматическая система выделила
один как потенциально связный**

Сегодня был плохой день.

Ночью система сама пометила один фрагмент как потенциально связный. Это еще не значит ничего окончательно, но раньше такого не было. Утром мы оба уже сидели над этим куском и молчали больше обычного.

Сам фрагмент длиннее прежних и заметно чище. Не настолько, чтобы сразу делать выводы, но достаточно, чтобы автоматике показалось, что его стоит выделить отдельно. Весь день ушел на перепроверки. Прогоняли через разные настройки, пытались понять, нет ли тут нашего собственного алгоритмического самообмана.

Пока ответ честный: не знаем.

Илья сегодня окончательно перестал выглядеть просто уставшим. Теперь видно, что он напряжен постоянно, даже

когда молчит. Он несколько раз за день возвращался к мысли, что если система выделяет это как связный кусок, то следующий шаг может быть уже за дешифровкой. По нему чувствуется, что этого шага он одновременно хочет и боится.

Я, наверное, тоже.

За ужином он почти ничего не ел. Сказал только, что некоторые вещи лучше не переводить, пока не уверен, что правильно понял, что именно к тебе пришло. Это уже не похоже на обычный разговор про аппаратуру. Это похоже на страх, который он еще старается выдать за осторожность.

Связь с материком вечером прошла как всегда. Анна ничего не заметила или сделала вид, что не заметила. Я сказал себе, что если завтра будет еще один такой же фрагмент, то надо будет все-таки оформить техзаписку и передать наверх хотя бы факт аномалии.

Сейчас уже поздно. Илья опять в радиомодуле. Свет у него горит, и, похоже, он никуда отсюда сегодня не уйдет.

Поймал себя на мысли, что не хочу, чтобы следующий фрагмент пришел, но и хочу тоже. Очень плохое сочетание.

21 июня

Температура —55. Ветер 22 м/с.

Видимость слабая. Связь стабильная.

**На приеме длинный фрагмент,
автоматическая дешифровка
дала предварительный результат**

Сегодня это перестало быть просто странностью.

Ночью пришел еще один длинный фрагмент. Лучше прежних. Достаточно, чтобы автоматическая система попробовала его собрать и выдала предварительный результат. Именно предварительный. Я специально это пишу, потому что пока еще хочется держаться за осторожность формулировок.

Результат был бессмысленный. Или почти бессмысленный. Набор обрывков, из которых можно сложить что угодно, если очень захотеть. Илья смотрел на это с таким выражением, будто ненавидит уже сам факт появления текста на экране. Я сначала даже испытал облегчение: если система выдала мусор, значит, мы все еще имеем дело с шумом.

Но облегчение быстро прошло, потому что мусор этот был

не совсем мусором. В нем было слишком много коротких повторов. Не буквальных слов, а какой-то общей формы. Как будто неудачно собранный язык.

Весь день ушел на попытки перепроверить. Несколько раз отключали и поднимали разные части цепочки. Результат тот же: формально неубедительно, фактически уже трудно делать вид, что это обычная грязь.

Илья сегодня сказал очень мало, но один раз все-таки сформулировал то, что, похоже, думает уже давно: его беспокоит, что это выглядит не как поиск контакта, а как попытка прервать что-то уже начатое. Я не стал спорить, но и записывать это сначала не хотел. Все-таки записал.

Связь с материком была в обычное время. Анна говорила спокойно, как всегда. Я отвечал тоже спокойно. Наверное, со стороны мы все еще звучим нормально. Это даже странно.

Сейчас ощущение такое, будто станция осталась той же, но внутренний порядок вещей уже немного сдвинулся. Пока совсем чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы уже нельзя было не заметить.

Если завтра система снова выдаст текст, придется признать, что мы подошли вплотную к тому, ради чего все это и затевалось. И я не уверен, что хочу этого.

22 июня

**Температура —58. Ветер 31 м/с.
Выходы наружу отменены. Связь
в норме. На приеме длинный
фрагмент, автоматическая
дешифровка дала связный результат**

Сегодня система собрала фразу.

Пишу это и сам понимаю, как это выглядит. Еще неделю назад я бы, наверное, решил, что человек, который делает такую запись, уже слишком долго сидит в изоляции и начал придавать мусору форму. Поэтому фиксирую как можно суше.

Ночью пришел еще один длинный фрагмент. Лучше вчерашнего. Мы прогнали его через тот же набор процедур, потом через резервную схему, потом подняли сырой поток. Результат не исчез.

Система выдала связный текст:

«Перестаньте слать сигналы. Они могут вас услышать».

Сначала оба молчали. Не потому, что не было слов, а потому, что слишком легко было испортить момент любой реакцией. Потом почти час ушел на то, чтобы попробовать это сломать. Ищем ошибку до сих пор.

Что сделали за день: — проверили тракт; — проверили часть железа; — прогнали через другую обработку; — сравнили с предыдущими фрагментами; — сняли контрольные куски на соседних окнах; — пытались поймать уязвимость в алгоритме дешифровки.

Пока честный вывод один: либо у нас очень изощренная внутренняя ошибка, либо нет.

Илья отреагировал тяжелее меня, но внешне спокойно. Это даже хуже. Когда он нервничает открыто, с ним проще. Сегодня он был собран до неприятного предела. Сказал только, что больше всего ему не нравится не сама фраза, а ее тон. Я сначала не понял, о чем он. Потом понял: она звучит не как приветствие и не как попытка начать разговор. Она звучит как позднее предупреждение.

Днем почти не ели. Кофе пили литрами. Несколько раз возвращались к одной и той же мысли: мог ли алгоритм сам дотянуть это до человеческой фразы. Теоретически мог. Практически пока не видно, где именно.

На связь с материком не вышли с этим сразу. Решили до вечера ничего не говорить, пока не сделаем еще один круг проверок. Анна, наверное, решила, что мы просто устали.

По голосу, думаю, это было слышно.

Уже после сеанса Илья сказал, что если это правда, то самая плохая часть в этой фразе не «они», а «перестаньте». То есть кто-то или что-то предполагает, что действие уже идет слишком давно.

Сейчас поздно. Я перечитал то, что написал выше, и понимаю, что дневник вдруг перестал быть просто отметкой дней. Если завтра окажется, что это ошибка, — хорошо. Если нет, лучше иметь запись именно в таком виде, пока память еще не начала подгонять детали задним числом.

23 июня

Температура —56. Ветер 24 м/с.

Видимость слабая. Связь стабильная.

**Повтор длинного фрагмента,
текст близок ко вчерашнему**

Сегодня стало хуже в том смысле, что повторилось.

Не слово в слово, но достаточно близко. Структура та же. Смысл тот же. Система снова собирает предупреждение про сигналы и про тех, кто может услышать. Расхождения в деталях есть, но уже не такие, чтобы на них можно было опереться как на спасение.

Формально у нас теперь не один случайный выброс, а минимум два. От этого вся ситуация сразу меняется, хотя снаружи не изменилось ничего. Та же станция, те же модули, тот же ветер, тот же свет на панелях. Но внутренне день уже другой.

Утром спорили о том, говорить ли наверх немедленно. Я был за то, чтобы хотя бы передать факт аномального приема без интерпретаций. Илья был против. Не из упрямства, а как-то иначе. Сказал, что как только это уйдет по каналу,

ситуация перестанет быть нашей локальной задачей и станет событием, за которое уже никто не сможет отвечать осторожно. По сути он прав, но сам довод мне не нравится.

У него вообще заметно сместился акцент. Если раньше он был одержим вопросом «что это?», то теперь больше думает в плоскости «что нельзя делать дальше?». Для одного дня это слишком резкий поворот.

На связи с материком мы опять ничего не сказали. Анна говорила обычно. Наверное, если бы кто-то переслушал запись со стороны, там не было бы ничего особенного. Но мне показалось, что Илья слушал не ее слова, а саму линию. Это уже не первый раз.

После сеанса он сказал, что если фраза собрана верно, то на нее не нужно отвечать ни при каких условиях. Я ответил, что никто пока и не собирается отвечать. На это он заметил, что дело не только в ответе, а в любой передаче вообще. Именно это я и записываю, потому что раньше он такого не говорил.

Пока все еще считаю, что нужно держаться проверки, а не смысла. Но смысл уже вошел в комнату, и выгнать его обратно не получается.

24 июня

**Температура —57. Ветер 28 м/
с. Выходы наружу ограничены.
Связь стабильная. На приеме
серия фрагментов, один
дал почти чистую сборку**

Сегодня текст собрался почти без мусора.

Фраза та же. Или почти та же. Настолько близко, что записывать расхождения уже нет смысла. Они есть на уровне отдельных хвостов и обрывков, но ядро устойчивое.

С утра сделали еще один полный круг проверок. Уже не потому, что надеялись быстро найти ошибку, а потому, что иначе нельзя. Если не проверить все, потом самому себе не простишь.

Пока ничего. Это самое плохое слово последних дней.

Илья сегодня не шутил совсем. Ел мало. Говорил коротко. Большую часть времени сидел с наушниками, хотя потом сам же сказал, что слушать уже почти бесполезно — важнее сравнивать структуру. Но все равно слушал. Видимо, не может остановиться.

Во второй половине дня он сказал вещь, которая мне очень не понравилась. По его мнению, фраза важна не как текст, а как тип текста. То есть не «контакт», не «сообщение», не «зонд», а именно «предупреждение». И если предупреждение вообще существует, то, значит, до нас уже был какой-то опыт, на основе которого его отправили.

Я сказал, что это уже чистая спекуляция. Он согласился. Но было видно, что внутренне от этой мысли не откажется.

Связь с материком прошла штатно. Я почти заставлял себя говорить ровным голосом. Анна, кажется, ничего не заметила, хотя могу ошибаться. Илья во время сеанса почти не говорил. После сеанса снова поднял тему, что, возможно, не стоит даже обсуждать это по линии, пока мы сами не поняли, что именно у нас в руках. Сказал спокойно, но с такой уверенностью, что это уже начинает раздражать.

Я все еще думаю, что сообщить придется. Вопрос только когда.

25 июня

**Температура —55. Ветер
20 м/с. Видимость средняя.
Связь стабильная. На
приеме длинные фрагменты,
автоматическая сборка устойчивая**

Сегодня впервые почувствовал, что устал не от работы, а от самого присутствия этой фразы в голове.

Пока ты разбираешь просто шум, есть дистанция. Когда система несколько дней подряд выдает одно и то же предупреждение, дистанции уже нет. Даже когда не сидишь у аппаратуры, оно все равно где-то рядом.

Илья сегодня с утра был резче обычного. Не сорвался, не накричал, просто разговаривает так, будто каждое слово лишнее. На прямой вопрос, спал ли он, ответил уклончиво. По виду — почти нет.

После обеда снова вернулись к вопросу, надо ли выходить с этим наверх. Я сказал, что тянуть дальше странно. Он ответил, что странно как раз использовать тот же канал для сообщения о том, что канал, возможно, уже не стоит исполь-

зовать как обычно. Это самый прямой из его аргументов за все дни. И первый, который звучит уже не как осторожность, а как начало навязчивой идеи.

Пока не знаю, что думать. Формально в его словах есть логика. Но она уже начинает работать против нормального порядка действий, а это плохой знак.

Во время связи с материком он слушал особенно внимательно. После сеанса сказал, что ему не нравится, как линия держит тишину между фразами. Совсем плохой признак. Так уже говорят не о технике, а почти о среде как о чем-то намеренном. Я ему так и сказал. Он ответил, что прекрасно понимает, как это звучит.

Самое неприятное — я уже не уверен, где у него начинается паранойя, а где он просто раньше меня чувствует опасный поворот.

Вечером почти заставил его поесть. Он поел без аппетита и почти сразу ушел назад к аппаратуре.

Пока не пишу, что он сдает. Но уже пишу, что меня это беспокоит.

26 июня

**Температура —59. Ветер 33 м/
с. Выходы наружу отменены.**

**Связь в норме. На приеме фраза
повторилась, дополнительно выделен
короткий нерасшифрованный хвост**

Сегодня кроме основной фразы система выделила еще короткий хвост, который не смогла собрать. Именно это почему-то испугало меня сильнее, чем само предупреждение.

К предупреждению, как ни страшно это звучит, уже начинаешь привыкаешь как к форме. А вот новый хвост — это снова неизвестность.

Почти весь день ушел на попытки понять, относится ли он к тому же потоку или это отдельная грязь. Пока неясно. Илья считает, что относится. Я пока не уверен.

Он сегодня впервые прямо сказал, что, по его мнению, любые исходящие передачи стоит свести к минимуму. Я спросил, что он имеет в виду — научные, служебные или вообще все. Он ответил: вообще все, кроме самого необходимого для выживания. Это уже очень серьезный сдвиг. Еще

несколько дней назад он спорил о смысле сигнала как о гипотезе. Теперь говорит так, как будто гипотеза уже подтверждена.

На связь с материком вышли по расписанию. Я собирался после сеанса задержаться на линии и хотя бы в общих словах обозначить техническую аномалию, но Илья еще до начала сеанса сказал, что просит этого пока не делать. Именно «просит», а не требует. Но по нему было видно, что на самом деле это для него уже принципиально.

Не стал. И до сих пор не понимаю, правильно ли поступил.

После связи он сказал, что если предупреждение приходит через канал, то первое, что нельзя делать, — расширять использование этого канала. Я ответил, что это уже круговая логика. Он согласился, но не отступил.

Плохой день не из-за сигнала. Из-за того, что между нами впервые появилась не просто разница в оценке, а разница в линии поведения.

27 июня

Температура —56. Ветер 21 м/с.

Видимость слабая. Связь стабильная.

На приеме повтор основной фразы, хвост снова не собран

Сегодня впервые почувствовал, что станция стала теснее. Не физически, а как бывает, когда в одном небольшом пространстве появляется тема, от которой нельзя отойти дальше соседнего модуля.

Основная фраза повторилась. Хвост тоже был, но снова не собрался. Мы уже почти механически делаем те же проверки, потому что не делать их нельзя. Результат тот же.

Илья сегодня почти не выходил из радиомодуля. На обед пришел поздно, ел стоя, как человек, который просто вспомнил о необходимости. Разговор не клеился. Раньше даже в плохом настроении он все равно удерживал какую-то человеческую норму быта. Сейчас нет.

После обеда снова вернулись к спору о передаче данных наверх. На этот раз уже жестче. Я сказал, что скрывать такую вещь от центра неправильно, даже если это окажется ошиб-

кой. Илья ответил, что ошибка — это еще лучший исход, а если не ошибка, то именно преждевременная передача и будет самым глупым из возможных решений. Он начинает говорить о «глупых решениях» так, будто уже знает цену одного из них. Возможно, это тянется из его старой истории, о которой он почти не рассказывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.